

Ю.Б. КУЗЬМЕНКОВА

**ОТ ТРАДИЦИЙ КУЛЬТУРЫ К НОРМАМ РЕЧЕВОГО
ПОВЕДЕНИЯ БРИТАНЦЕВ, АМЕРИКАНЦЕВ
И РОССИЯН. – М.: МАКС ПРЕСС, 2008. – 315 с.**

Культурные традиции любого народа находят свое неповторимое отражение в языке, полноценное освоение которого носителями другой культуры невозможно без учета его национального своеобразия, постоянно напоминающего о себе в процессе межкультурной коммуникации и служащего источником взаимного непонимания.

Оригинальность каждой из культур заключается прежде всего в ее собственном способе решения проблем – перспективном размещении ценностей, которые общи всем людям. Истоками культурных традиций служат философско-религиозные воззрения, лежащие в основе мировосприятия или картины мира.

Самым непосредственным образом с восприятием культурных ценностей соотносится позиционирование человека в окружающем мире. Одной из врожденных черт человека, уходящей корнями в далекое прошлое, является «территориальность», которая связана с необходимостью определения границ жизненного пространства и их защиты как неперемennого условия выживания.

Представители британской и американской культур обладают высокоразвитым чувством «территориальности», которое усилилось под влиянием идей свободы и независимости, распространенных в индивидуалистическом обществе. «Собственная территория» превратилась в одну из базовых ценностей, и на первый план естественным образом выдвинулась необходимость сохранения (и расширения) ее границ. Именно здесь следует искать корни понятия *privacy*, которое своеобразно трансформировалось из

врожденного чувства «территориальности» и привычки к обособленности и далее распространилось на восприятие положения личности в пространстве и обществе, включая неприкосновенность как самой личности, так и окружающей ее «собственной территории».

В этом основополагающем для британцев и американцев понятии, эквивалент которого в русском языке, а следовательно, в русской культуре, отсутствует, содержится квинтэссенция ценностей индивидуализма. Чувство «территориальности», своеобразно сочетаясь на почве британской и американской культур с «чувством *privacy*», под влиянием идей индивидуализма сформировало одну из основных ценностных ориентаций – дистанцированность.

Анализ особенностей восприятия пространства и времени, личности и власти в свете дистанцированности обнаруживает целый ряд расхождений в ценностных ориентациях представителей рассматриваемых культур.

Специфика восприятия пространства русскими, отражающая национальный «синтетический» образ мышления, была связана с целостностью их представления о мире и при определении места, отведенного в нем человеку, опиралась на традиции православия. Русскому человеку, с его устремленностью к жизни вечной и с верой, что человек – это храм Божий, вместилище духа, было свойственно ощущать бренность и кратковременность своего земного существования, и отношение к «своей территории» как к собственности занимало иное место в системе приоритетов, поскольку сама собственность имела лишь материальную (а значит, весьма относительную) ценность. Естественная для любого народа защита «своей территории» (например, от врагов) опиралась на идеалы иного порядка – духовного.

Восприятие пространства как гармоничного и иерархически организованного целого, а ценности времени – через призму человеческих отношений и, как следствие, отсутствие разграничения «целесообразного и социоэмоционального» времени свидетельствует о гибкости подхода к его организации и отсутствию у русских «пространственно-временной» дистанцированности.

Исследование ценностных ориентаций в «пространственно-временном» и «горизонтально-вертикальном» (отношения между членами социума) измерениях позволило определить основные

характеристики рассматриваемых индивидуалистических культур. Главное – это обособленность личности, основанная на сильно развитом «чувстве privacy» – свободы и самодостаточности индивида, выражающаяся в личной независимости, замкнутости на своих интересах. Данная черта обуславливает высокую степень изолированности членов общества во всех сферах, включая семейную. В основе этой ценностной ориентации лежит эгоцентрический по своей природе принцип невмешательства.

Следующая характеристика этих культур – минимизация дистанции «по вертикали» при сохранении или увеличении дистанции «по горизонтали», исходящая из стремления к идеалам равенства и демократии при соблюдении права независимости и свободы личности. Результатом этого стремления к независимости является высокая степень дистанцированности личности – социальной, психологической и эмоциональной, что проявляется в тенденциях к разобщенности и изоляции в сфере социальной; замкнутости и сдержанности в сфере психологической; отчуждению и одиночеству в сфере эмоциональной. Эти тенденции определяют специфику межличностного взаимодействия практически на всех уровнях и в самых разных коммуникативных ситуациях.

Русская культура, основанная на христианском понимании любви и сострадания и, соответственно, на соблюдении принципов соборности и сопричастности, традиционно обнаруживала противоположные тенденции – к единению и сближению людей, к открытости и естественности, поскольку приоритетным было стремление к независимости духовной, а не внешней. В сфере социальной русский человек (обладая большей степенью внутренней независимости в силу отсутствия стремления к стяжанию материальных благ и отсюда привязки к частной собственности), будучи зависимым от власти, мог свободнее регулировать дистанции «по горизонтали» и «по вертикали» при относительно больших размерах последней. Дистанцированность «по вертикали», основанная на соблюдении принципа иерархичности при асимметричном межличностном взаимодействии, характерная для коммуникативного поведения россиян, исходящих из признания фактического неравенства, контрастирует со стремлением к минимизации дистанции власти, наблюдаемом при общении британцев и американ-

цев, ориентированных на демократичность и соблюдение принципа формального равенства.

Пространственно-временная организация общения также свидетельствует о проявлении диаметрально противоположных тенденций на поведенческом уровне: к дистанцированности и «формальной коммуникабельности» британцев и американцев и к сближению и открытости россиян. Дистанцированность британцев и американцев основана на восприятии пространства и времени как своеобразных материальных ценностей – с вытекающей отсюда необходимостью защиты незыблемости территориальных границ и пределов временных зон по аналогии с защитой прав собственности. Эта ориентация соотносится с сильно развитым ощущением неприкосновенности индивида и проявляется в строгом разграничении пространственных и временных зон. В русской культуре она основана на выделении человеческих отношений, вследствие чего сама система пространственных и временных зон нестабильна и больше зависит от различных непространственных факторов.

Специфика восприятия времени британцами и американцами проявляется прежде всего в установившемся рациональном подходе к организации жизненного распорядка: четкое структурирование монокронного времени (в системе монокронного времени действия выполняются последовательно и предпочтительна односторонняя направленность внимания) можно расценивать как проявление «временной» дистанцированности.

Русская культура на «шкале времени» во многом может быть отнесена к противоположному «полихронному» полюсу.

Полихронное время воспринимается скорее дискретно, здесь акцент делается не на следовании predetermined графику распорядку дня, а на эмоциональном характере встречи и человеческих отношениях. Время, необходимое для полноценного общения, не ограничивается. Планы, хотя и существуют, не имеют самодовлеющей ценности.

Важной характеристикой, имеющей непосредственное отношение для понимания специфики коммуникативного поведения, является компромисс.

Ослабление компонента религиозности как следствие допущения компромисса в различении добра и зла привело к переоценке традиционных христианских ценностей и изменению базовых мо-

тиваций. Изначально характерное для христианских традиций целостное мировосприятие основывалось на гармоничном сочетании духовной и мирской жизни при их иерархической соотнесенности как соподчиненных частей единого целого и отражалось в двоякого рода деятельности – во внутренней и внешней сферах. Для человека, утратившего опору на принципы веры, соответственно теряет смысл необходимость внутренней активности, поскольку его внимание обращено главным образом к миру земному. Образовавшуюся духовную пустоту он стремится заполнить словесно – рассуждениями о «вечных ценностях», в которые более не верит.

В традиции протестантизма в результате ослабления внимания к основополагающим моментам бытия возникает двойственность совершенно иного порядка – двойственность морали, основанная преимущественно не на делах, а на словах (которые с ними могут расходиться). Так называемая «ментальная резервация» служит благодатной почвой для укоренения привычки к формализму – равноценной сознательному допущению двусмысленности трактовок для оправдания нравственного индифферентизма. Основанная на двойных стандартах, она способствует развитию «толерантности к неоднозначности» и десемантизации базовых понятий. Для современной англо-американской культуры, с характерными для нее рационализмом и субъективизмом, ориентация на достижение компромисса является доминантной и наблюдается практически во всех сферах жизни, тогда как в русской культурной традиции в целом наблюдается ориентация на бескомпромиссность, особенно в трактовке принципиальных вопросов.

Расхождения в культурспецифическом коммуникативном поведении проявились на уровне вербального общения и обусловили особенность речевого взаимодействия британцев, американцев и россиян.

Вся коммуникация по своей природе во многом определяется уровнем контекстности, лежащей в основе поведения, в том числе и речевого. В трактовке контекста применительно к общению отмечается, что при низкоконтекстной коммуникации основной объем передаваемой информации вербализуется, и ее участники обнаруживают тенденцию к прямолинейному однозначному пониманию самого сообщения или невербального действия, тогда как при высококонтекстной коммуникации большая ее часть за-

ключается в невербальных элементах и выводится из общего контекста ситуации или сконцентрирована в самом человеке. В *ВК*-культурах уделяется много внимания межличностным и социальным отношениям, так как предварительная информация, собранная в процессе развития последних, может стать основой для установления (долговременных) контактов. Важную роль играют факторы, окружающие общение: предмет занятий, обстановка, статус коммуникантов, предыдущий опыт, культурная принадлежность. Полученные знания такого рода разделяются всеми участниками *ВК*-коммуникации и не требуют объяснений в процессе непосредственного общения, позволяя более чутко реагировать на невербальные элементы. В *НК*-культурах межличностным отношениям уделяется немного внимания, в фокусе оказывается сам предмет общения, и людям приходится тратить много времени и энергии на его обсуждение и формулировку принимаемых решений.

Проблема информационной достаточности сообщения становится особенно актуальной при межкультурной коммуникации: ввиду существующих различий в уровне контекстности наблюдается большая вариативность в отношении критериев выбора необходимого «оптимального» объема информации, ее соразмерности и запросов ее участников.

Самым существенным и отражающим глубинные мировоззренческие различия является расхождение в восприятии британцами, американцами и россиянами значимости формальной и содержательной сторон общения.

Комплексный подход к трактовке взаимообусловленных моделей поведения носителей рассматриваемых культур позволяет достаточно четко обозначить место выявленных доминантных черт в общей системе ценностных ориентаций. Выбор британцами и американцами дистанцированности в качестве главной установки и компромисса как средства ее достижения во многом определил основополагающее различие между ними и россиянами относительно расстановки акцентов на формальной и сущностной сторонах общения, которое, в свою очередь, обусловило базовые характеристики – конвенциональность и естественность, а также расхождения в трактовке остальных значимых аспектов коммуникативного поведения – прагматически обусловленных англоязычных и контекстозависимых русскоязычных.

Для индивидуалистических англоязычных культур базовой ценностной мотивацией общения является забота о сохранении лица коммуникантов и их *privacy*, что достижимо на основе создания бесконфликтной атмосферы исключительно посредством компромисса и предполагает строгое соблюдение условностей. Поэтому жесткая регламентация распространяется на все сферы общения (и его тематику), определяя структурную организацию и четкие правила взаимоотношений участников коммуникации. Общая установка на социальное равенство проявляется в усилении тенденции к демократичности и в распространении статусно-индифферентного унифицированного подхода к общению независимо от асимметрии социальных отношений. В результате для англоязычного поведения нормой являются неформальность, внешне свидетельствующая о близости взаимоотношений коммуникантов на фоне чисто формального, поверхностного внимания к различным аспектам.

При общении у американцев и британцев наблюдается определенная склонность к многословию (характерная для *НК*-культур), притом что в системе монокронного времени высоко ценятся краткость и точность. Склонность к многословию при невысокой степени информативности, к аффектации на общем фоне эмоциональной сдержанности, к многократной демонстрации преувеличенного внимания к собеседнику при нейтральном (а чаще – безразличном) к нему отношении отличает бытовое англоязычное коммуникативное поведение. Эта двойственность, коренящаяся в привычке к неоднозначной манере высказывания, лежит в основе таких распространенных, противоположных по своей сути стереотипов, как любезность и доброжелательное расположение (особенно американцев) и безразличие и холодность (особенно британцев). Представляется, что такая двойственность напрямую соотносима с конвенциональностью англоязычного общения.

Русскоязычное общение, с его доминантой на содержании, отличают взвешенное отношение к слову и серьезный неформальный подход, основанный на стремлении проникнуть в суть происходящего, результатом чего являются, с одной стороны, достаточно высокая информативность беседы при отсутствии жесткой регламентации (как в отношении тематики, так и с точки зрения структурной организации), а с другой – дискуссионность, эмоциональная

вовлеченность и активность участия в процессе коммуникации, бескомпромиссность и готовность открыто отстаивать свои принципы. В связи с традиционным акцентом на сущностных моментах – в окружающем мире и в людях – для русской культуры характерен индивидуальный (личностный) подход, при котором правила коммуникативного поведения также зависят от контекста, а в случаях социальной асимметрии – статусно-дифференцированный.

На вербальном уровне особенности соблюдения норм англоязычного общения проявляются в использовании различных стратегий. Как особая стратегия речевого поведения, направленная на предотвращение конфликтных ситуаций и сохранение лица, выступает соблюдение принципа вежливости. В практике речевого общения эта стратегия англоговорящими коммуникантами реализуется посредством различных тактик, для которых характерна высокая степень некатегоричности, неопределенности и косвенности. Стремление представителей индивидуалистических культур к поиску компромисса имеет целью избежать столкновения эгоистических интересов и сохранить свою основную ценностную ориентацию – дистанцированность. Что касается русских, то, поскольку эгоизм не является доминантой их национального характера, россиянину нет нужды постоянно заботиться о сохранности *privacy* – своей собственной и окружающих.

Именно высокая степень косвенности служит своеобразным камнем преткновения при попытках россиян полно воспринять суть англоязычной коммуникации. Эта особенность проявляется в наличии существенных и регулярных расхождений в семантическом и прагматическом значениях и в практике общения приводит к неприемлемому (с точки зрения россиян) противоречию между тем, что говорится и что реально подразумевается.

Стремление к достижению компромисса на вербальном уровне в англоговорящих культурах отражается в макростратегии маневрирования, ориентированной на любого из говорящих. Сами названия стратегий, образующих первую группу – дистанцирование, уклонение и намек, – отражают характерные черты англоязычной коммуникации: высоко развитые возможности вербального маневрирования и лавирования, уклонения от прямолинейности и иносказательность высказываний, наиболее ярко проявляющиеся в побудительных речевых актах и в ситуациях, предполагающих

выражение личного отношения или мнения и допускающих возможность регулировать ответственность за силу речевого воздействия и достоверность высказывания.

Оказание коммуникативной поддержки собеседнику в целях поддержания разговора и поддержание коммуникативного контакта составили макростратегию реагирования, адресованную преимущественно слушающему или, точнее, – второму говорящему, который, не перехватывая инициативы, заполняет паузы, оживляя беседу отдельными репликами и выполняя свою основную функцию поддержать главного говорящего.

Каждая из коммуникативных стратегий имеет в английском языке характерное лингвистическое оформление, отражая специфику социокультурного подхода к общению.

Стратегия дистанцирования предполагает использование целого ряда лексико-грамматических средств, которые, отражая взаимодействие между коммуникантами, содержанием высказывания и действительностью, играют важную роль в реализации принципов коммуникативной вежливости, являясь своего рода регулятором взаимоотношений между собеседниками. Можно наметить две тактики дистанцирования, первая из которых связана со смещением временного плана, а вторая – с использованием модальных глаголов и условного наклонения.

Смещение временного плана можно использовать как грамматическое средство снижения категоричности высказывания для того, чтобы придать инструкциям, распоряжениям или приказам вид вежливой просьбы и облечь в тактичную форму вопросы личного характера, выражение намерений, различного рода предложения и т.д. По мнению британских исследователей, при решении таких речевых задач в качестве своего рода «дистанцирующих структур» уместнее употреблять не высказывания в Present Simple, а Past или Future, подразумевающие некое смещение в прошлое или будущее относительно момента речи, дающее свободу выбора ответных реплик.

Часто в тех же вопросах и просьбах используется продолженное время, сообщая им оттенок как бы вскользь брошенного замечания, а выражаемые в такой форме намерения или предложения звучат менее навязчиво.

Английские модальные глаголы, передающие благодаря своей семантике целый спектр разнообразных оттенков модальности, являются незаменимыми «регуляторами вежливости», позволяя варьировать степень обязательности следовать совету, желательности выполнить просьбу, позволенности совершить действие и др. Обращение к условному наклонению также сообщает высказываниям определенную долю предположительности и гипотетичности, увеличивая дистанцию между его содержанием и прагматическим значением.

Стратегия уклонения предполагает использование определенного набора структур, смягчающих резкость высказывания и делающих их менее прямолинейным. Это вводные фразы, безличные предложения (в том числе и с вероятностным оттенком), формулы вежливых ответов и вопросов, утверждения в форме вопросов и ответов и пр.

Стратегия намека является характерной чертой эмотивной (т.е. вызывающей эмоции) коммуникации. Основная цель этой антиконфликтной стратегии – регулировать степень эмоционального воздействия на собеседника, сглаживая «острые углы» посредством снижения значимости высказывания, особенно в эмотивных речевых актах, при помощи различного рода «допущений» и предположений. Обращение к данной стратегии вызвано стремлением продемонстрировать бережно-уважительное отношение к чувствам собеседника, когда речь идет о чем-то сугубо личном, требующем деликатного обхождения. На уровне речи желаемый результат достигается при помощи целенаправленного использования модальных модификаторов и ряда других лексико-синтаксических структур.

Стратегия коммуникативной поддержки собеседника включает прежде всего тактики усиления значимости высказывания и преувеличения, придающие высказыванию большую весомость, что можно трактовать как избыточную, чрезмерную вежливость, функция которой – продемонстрировать или подчеркнуть свой интерес к партнеру по коммуникации. Обращаясь к данной стратегии, коммуниканты подразумевают меньше, чем говорят. Однако их преувеличения не могут считаться «лживыми», поскольку функция преувеличения состоит в достижении прагматического

результата: «Я хочу, чтобы тебе было приятно»; и в этом своем желании англоговорящий собеседник вполне искренен.

Стратегия поддержания коммуникативного контакта предполагает взаимную ответственность партнеров за создание комфортной атмосферы общения и гладкое течение беседы на основе адекватного реагирования, что достигается при помощи тактики ответных реплик и тактики заполнения пауз. Тактика построения ответных реплик в основном сводится к использованию ряда речевых формул и приемов, помогающих разнообразить краткие ответы да / нет, которые в традициях англо-американской коммуникативной культуры считаются не самыми вежливыми.

Поддерживая непринужденную беседу, поскольку продолжительное неловкое молчание может свести на нет усилия всего предшествующего разговора, бороться с паузами можно следующими способами: прежде всего, не доводить до них, стараясь отреагировать на каждую реплику собеседника соответствующим вопросом, восклицанием или подходящим по смыслу междометием.

Человек, воспитанный в традициях русской коммуникативной культуры, не усмотрит ничего предосудительного в нарушении непрерывности беседы. Тишина для российской аудитории – прежде всего признак внимания и уважения к говорящему. Особенно нелегко бывает россиянину, забывшему об этом в ходе деловой беседы или интервью при приеме на работу.

Естественность в традициях русскоязычной культуры предполагает достаточную свободу выбора возможных линий поведения (в зависимости от контекста общения, социальной дистанции, интуиции, психо-эмоционального состояния коммуникантов и пр.), не ограниченную жестко регламентированными рамками условностей и при необходимости допускающую оказание коммуникативного воздействия на собеседников. Данная доминанта определяет такие черты русскоязычного общения, как конкретность и однозначность, категоричность и эмоциональность.

Проявление эмоций регулируется, как правило, интуитивно – в соответствии с контекстом ситуации и основывается на традиции сопереживания и сочувствия, опирающейся на нравственные принципы.

Т. Фетисова